

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

III.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЕСЕЛДІИИ ЗАГОТОВЛЯЮТЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

MDCCCXXXVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?

Кого, куда зовутъ и бубны и тимпанъ?

Что значать радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣтлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... вотъ онъ, вотъ сильный богъ!

Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!

О радость! Полныя тобой

Дрожать, готовы грянуть струны

Нелицемѣрною хвалою.

Эвапъ, эвое! Дайте чаши;

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отраднѣй!

Державный тирсъ въ его рукахъ;

Вѣнецъ желтѣетъ виноградный

Въ чернокудрявыхъ волосахъ . . .

Течетъ. Его младые тигры

Съ покорной яростью влекутъ;

Кругомъ летятъ эроты, игры,

И гимны въ честь ему поютъ.

За нимъ тѣснитса козлоногій

И фавновъ и сатировъ рой;

Плющемъ опутаны ихъ роги;

Бѣгутъ смятенною толпой

Вослѣдъ за быстрой колесницей:

Кто съ тростниковою цѣвницей,

Кто съ вѣрной кружкой своей;

Тотъ оступившись упадаетъ

И бархатный коверъ полей

Виномъ багровымъ обливаетъ

При дикомъ хохотѣ друзей.

Тамъ далѣ вижу дивный ходъ:

Звучатъ веселые тимпаны;

Младья нимфы и сильваны,

Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена . . .
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздемъ, обнаженны,
Бѣгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчался, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вождельньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастье лови!

Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.

Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ;

Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторить по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!

Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ тирсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

НАПОЛЕОНЪ.

—

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почилъ,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своеправной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты вель мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Рускихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Рускихъ разгадалъ

Россія! бранная царица,
Вспомни древнія права!

.....

Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣпецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами.
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжать Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племень.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искушены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькожь думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! . . . Онъ Рускому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

—

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!

На звонкое дно

Въ густое вино

Завѣтныя кольца бросайте!

Подыместъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тма!

19 ОКТЯБРЯ 1825.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминь, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье ~~горькихъ~~ ~~мукъ~~.

Печалень я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую зашилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ. . . .
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италиі прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ Рускою могилой
Словъ нѣсколько на языкъ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь! . . Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шута,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнь и бурь любимое дѣтя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бѣ ни повело,
Все тѣ же мы: памъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское-Село.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ доврчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О * * * мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ.

Ты, * * *, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ;
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурею главою поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О * * * мой: твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской пашь удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты гордый пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ втипи.

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты. . .
Опомнися — но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, * * *, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стойтъ мѣръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Приди; огнемъ волшебнаго сказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ . . . пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я —
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробъ спитъ, кто дальній спротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склопились и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему . . .
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,
Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой . . .
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

—

О чемъ шумите вы, народныя вити?
Зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразь клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?

Славянскіе ль ручки сольются въ Рускомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;

Вамъ непонятна, вамъ чужда
Ся семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ . . .

За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искушили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить ~~своимъ~~ Измаильскій штыкъ?
Иль Рускаго Царя уже бессильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Рускій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанетъ Руская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

—

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
«Бѣдой Россіи угрожая;
«Не вся ль Европа тутъ была?
«А чья звѣзда ее вела! . . .
«Но стали жъ мы пятою твердой,
«И грудью приняли напоръ
«Племень, послушныхъ волъ гордой,
«И равень былъ неравный споръ.

«И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
«Кичась, они забыли нынѣ;
«Забыли Рускій штыкъ и снѣгъ,
«Погребшій славу ихъ въ пустынь.
«Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
«Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
«Но тяжело будетъ имъ похмѣлье;
«Но дологъ будетъ сонъ гостей

«На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
«Подъ знакомъ сѣверныхъ полей!

«Ступайте жь къ намъ: васъ Русь зоветъ.

«Но знайте, прошенные гости!

«Ужь Польша васъ не поведеть:

«Черезъ ея шагнете кости! . . .»

Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Вопрачьъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахъ не топтали
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранять въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они' народной немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Рускаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные вѣтѣи,

Вы, черни бѣдственный набать,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы? . . . Еще ли Россѣ
Больной, разслабленный колосъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Вольнь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Рускихъ городовъ,
Сроднить ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Рускаго Владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и морь,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали —

Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена . . .

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!,
Греми, восторговъ общій гласъ! . . .
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнь Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть триумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

—

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ:
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Питербургъ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Руской штыкѣ, иль Руской флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль просить грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
 Прибыль Брантовъ утлый боть,
 И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
 Всей семьей нашъ юный флотъ,
 И воинственные внуки
 Стали въ строй предъ старикомъ,
 И раздался въ честь науки
 Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
 Торжествуетъ Государь,
 День, какъ жизнь своей державы
 Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
 Родила ль Екатерина?
 Имянинница ль Она,
 Чудотворца-Исполина
 Черпобровая Жена?

Нѣтъ : Онъ съ подданнымъ мирится;
 Виноватому вину
 Отпуская, веселится;
 Кружку пѣнитъ съ нимъ одпу;
 И въ чело его цалусть,
 Свѣтель сердцемъ и лицомъ;
 И прощенье торжествуетъ
 Какъ побѣду надъ врагомъ.

Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербургъ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПЪСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

ПЪСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

ПЪВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

Вдохнули ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вдохнули ль вы?

СТАНСЫ Т * * * МУ.

—

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпиктета
Златой Горациевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности твоей!

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

—

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесныя черты?

Ты, гений! . . . Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснетъ пламенной душой.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

—

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернить,
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертить.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходить съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

ФОНТАНУ

БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

—

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой.
И поэтическія слѣзы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ бль . . .

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странъ прочелъ я дальней;
Но о Маріи ты молчалъ . . .

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣтушій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещеть запоздалый листъ.

ДРУЗЬЯМЪ.

—

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили,
Вѣнками свѣще осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скиѣскую поля,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Я пилъ, и душою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ,

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чащахъ пѣна
Подъ зашипѣвшю струей.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

—

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везеть, не слѣзеть съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телегу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: пошоль!

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги;
Порастрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катить попрежнему телега.
Подвечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонить лошадей.

КЪ МОРЮ.

—

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзвывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ

И тишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользить отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтический побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ . . . я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ :

Одна скала, гробница славы . . .
Тамъ погружались въ хладный сонъ

Воспомяненья величавы:
Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣль

.....

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна золотая,
Тише . . . чу . . . гитары звонъ . . .
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркой день!

Сквозь чугуныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжить
Гвадалквивиръ.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

КЪ * * *

—

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

—

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальных поляны
Льет печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжить,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремѣть.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска

Ни огня, ни черной хаты
Глушь и снѣгъ . . . Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно . . . Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрной кругъ свой совершить,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучить.

Грустно, Нина: путь мой скучень,
Дремля смолкнулъ мой ящикъ,
Колокольчикъ однозвучень,
Отуманень лунный ликъ.

ОТВѢТЪ Ѳ. Т***.

—

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ доли Грузіи отвѣтка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агаты въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

КОЗЛОВУ.

—

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ :
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ :
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

СТАНСЫ.

—

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронъ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ;
Во всемъ будь Пращуру подобень:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобень.

ТАЛИСМАНЪ.

—

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
На пустынныйя скалы,
Гдѣ луна теплѣ блещеть
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасеть мой талисманъ.

И богатствами востока
Онъ тебя не одарить,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покорить;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчить мой талисманъ

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцалуютъ не любя:
Милый другъ, отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранить мой талисманъ! »

Воронъ къ ворону летить,
Воронъ ворону кричить:
Воронъ, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подѣ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убить и отъ чего,
Знаетъ сокольникъ лишь его,
Да кобылка вороная.
Да хозяйка молодая.

Сокольникъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милѣва,
Не убитого, живова.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

—

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ . . .
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангель, руку
Я сиѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься, взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминање
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

ЦВѢТОКЪ.

—

Цвѣтокъ засохшій, безуканной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣль? когда? какой весною?
И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?

И нынче гдѣ ихъ уголокъ?

Или уже они увяли,

Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминають мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы! . . .

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминають мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

TO DAWE ESQ^R.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арапскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищеть Мефистофиль.

Рисуй *** черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

КАВКАЗЪ.

—

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ отдаленной поднявшися вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Отсель я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сввозъ ихъ низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагя громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по значнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ,

И ницѣй наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
И лижетъ утесы голодной волной
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

ОБВАЛЪ.

—

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумить и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщеть боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнь упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга

Ты затошилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудю лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шель:
И конь скакалъ, и влекся вошь,
И своего верблюда вель
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь эоль,
Небесъ жилецъ.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЪ.

Высоко надъ сѣмьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вождельный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

ДЕЛИБАШЪ.

—

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ лавъ,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, казакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблсю кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ
Посмотрите! каковы?
Делибашъ уже на пикъ,
А казакъ безъ головы.

ДОНЪ.

—

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется! . . . Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ . .

Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

—

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда вославу Руси ратной,
Строштиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

Когда твои младыи лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой бесплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ . . . жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

ЗИМНЕЕ УТРО.

—

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной аворы;
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,

И ель сквозь иней зеленѣть,
И рѣчка подо льдомъ блестить.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Весельемъ трескомъ
Трещить затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запретъ?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

—

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобранномъ мостомъ.

Иль чума меня подѣшпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,

Иль мнѣ въ лобъ плагбаумъ влѣпить
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подь ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной желодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой развѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома! . . .
Ну, пошелъ же, погоняй! . . .

Что въ имени тебѣ моешь?
Оно умреть, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставить мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, втишинѣ,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мирѣ сердце, гдѣ живу я.

Брожу ли я вдоль улиц шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подѣ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патриархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я душой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бѣ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонѣ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты,

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

ПОЭТУ.

—

Поэтъ! не дорожи любовію народной:
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глуша и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за́ подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Here's a health to thee Mary.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастныхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

СОНЕТЪ.

—

Seems not the sonnet critic.

WORDSWORTH.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливаль;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камознсъ облекаль.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуеть идеаль.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключаль.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забываль
Гекзаметра священные напѣвы.

ЦЫГАНЫ.

—

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдеть ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящiе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

МАДОНА.

—

Не множеством картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величьемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славу и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ нальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

ЭХО.

—

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —

На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внимлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —

И плешь отвѣтъ;
Тебѣ жь нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,

Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
«Туда, гдѣ за тучей бѣлѣтъ гора,
«Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
«Туда, гдѣ гуляемъ . . . лишь вѣтеръ да я!»

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

—

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровль обветшалоу
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая ланужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей.
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоеетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

19 ОКТЯБРЯ, 1827.

—

Богъ помочъ вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочъ вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнъ емъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

АНЧАРЪ *

—

Въ пустынь чухлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоить, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

* Древо яда.

Къ нему и птица не летить,
И тигръ нейдетъ: лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжить —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить,
Блуждая, листь его дремучій;
Съ его вѣтвей ужъ ядовить
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человекъ человекъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да вѣтвь съ увядшими листьями,
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

ПРИМЪТЫ.

—

Я ъхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.

Я ъхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному втиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

КРАСАВИЦА.

(Въ альбомъ Г***.)

—

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бѣ въ сердцѣ ни виталъ
Ты сокровенное мечташь;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты,
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегла,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю покла дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря протчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки дровесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

—

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али збруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»

Отвѣчаетъ конь печальный:
— Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Преживать въ красѣ и холѣ,

Свѣтлой збруей щеголять;
Что ужь скоро врагъ суровый
Збрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдереть;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что намѣсто чапрака
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока. —

ПОСЛАВІЯ.

ПОСЛАНИЯ.

ЛИЦИЩУ.

Лищиній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчаннѣй лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летить по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Лъстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремить усердный взглядъ;
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,

Есть нѣкій памятникъ 'почетный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ править,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславить;
Ветулій Римлянъ царь! . . . О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ!
Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставляю Римъ: я рабство ненавижу.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь фортуи и мечтавъ,
Съдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ нелучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консуль и трибунъ, и честь и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловить сътъ!
Намъ стыдно слабости съ морщиднами имѣтъ;

Тщеславной юности оставишь блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ Римлянищъ; кипить въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенѣомъ, возженномъ въ комелькѣ,
Вспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И правы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падеть, падеть вопракъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
И горы и моря оставятъ за собой

И хлынуть на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углублень:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погублень.»

Ш * * * ВУ.

—

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ пѣжился Тибулъ, Мѣлецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.

Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ.

Но, милый, сжапись падо мною,

Не требуй отъ меня стиховъ!

Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:
Докучной истины я позднѣй вижу свѣтъ.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи

Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,

И, презря мудрые угрозы и совѣты,

Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я, трезвѣй, межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плель вѣнокъ: и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
И, строгимъ опытомъ невольнo пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на рифмахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писать.

П * * * НУ.

—

Что восхитительный, живый
Войны, сражений и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завидный краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣтъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливы, кто миль и страшенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла

Гремитъ правдивая хвала;
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лгду
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

МЕЧТАТЕЛЮ.

—

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ бесплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, иступленной,
Тогда бѣ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой . . .
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ нестрашны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промысль высокій и святой;
Его баюкаютъ камни молодя
И съ перстомъ на устахъ хранять его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ;
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастиемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлечень! Въ бездѣйствии счастливомъ,
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохнувъ восторгъ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

ЖУКОВСКОМУ.

—

Когда, къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбить счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,

Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

В * * * М У.

—

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ

И тяжелой знатности веселье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаденномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дымѣ лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленные движенья,
Огонь неистовыхъ очей —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепеть упоенья

Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачетъ подь окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потушенные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

КРИВЦОВУ.

—

Не пугай пась, милый другъ,
Гроба близкимъ повосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жь утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ;
У Пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ;

Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтель:
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепель
Въ урны праздна пировъ.

N. N.

—

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обрѣтый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголь тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры вѣтренный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,

Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовуть холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.

Ч * * * ВУ.

—

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось.
.....
Ч * * *, помнишь ли бывшее?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое

Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ
Пишу я наши имена.

КЪ ОВИДИЮ.

—

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безотрадный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлечень унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпыя сыны,
За Пестромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни кѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонуть.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстепъ и одишъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжелой горести далекой дружбѣ пищешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя послѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!

Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ,
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приблизьте хоть мой гробъ къ Итали прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
Твое уныніе и слезы укорить?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сим элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ утрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;

Зима дышала тамъ: а съ вешней теплою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младую зеленю пестрѣль увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подвечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобныя звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умереть мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой! . . .
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,

Не славой, участю я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мѣръ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

АЛЕКСЪЕВУ.

—

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздохать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,

Какъ Баратынскій я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?
«Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ иступленной,
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Пеленныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумныхъ увѣреній
И поминутныхъ повтореній
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждъ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

К * * * У.

—

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадиль
Красавица блмстала славой,
Я свистомъ гимны заглушала.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селлименой и Моинной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поносить;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приносить.

Ч * * * ВУ.

—

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя не достаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блескитъ, тогда какъ сердце дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.

Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улынулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездною потаскнутой

Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ се совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣло во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,

Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И счастливъ буду я: но только ради Бога
Гони ты * * * отъ нашего порога.

ГРЕЧАНКЪ.

—

Ты рождена воспаменять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Лейлы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой:
И ты, склонясь къ его плечу
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

Д * * * У.

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Гораций, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду.

Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

КЪ ЯЗ * * *

—

Яз * * *, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастанальскою водою
Ты воспоилъ свою камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Смѣсь рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

ЧЕРЕПЪ.

—

Прими сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д***. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,

И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покой нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, фізіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво

Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузь, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу
Лежали грудой на полу,
Предметъ запитій разнородныхъ
Ученого, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безопасно свищетъ.
Умѣренность, въпсалъ мудрецъ,
Сердцеъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ однакожь наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ . . . скелеть,

Предметъ, философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанеть онъ скелеть?
Вотъ онъ однажды въ Воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ, взявъ въображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой герой
Открылся кистеру душой
И говорить: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелеть
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смѣтился кистеръ изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же? . . . Онъ, гробовъ хранитель!

Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистерь мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ

Почіють непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой праѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свѣе неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ рассказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д***: онъ
Принадлежитъ тебѣ поправу.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу.
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный или пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живою.

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

—

Среди разсыянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою пѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вѣтся и пылаеть геній.
Пѣвца, пѣнненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганскъ внемлетъ кочевой.

ОТВѢТЪ КАТЕМИНУ.

—

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный жой сосѣдь!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманить меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуй рекрута, подносить
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкосить?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.

Останься ты въ строяхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ спохмѣля цожинай.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

—

И недоувѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стойкъ, приметъ хладно
Привѣтъ харить и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю;
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтренный зомль,
Когда бѣ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бѣ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

Е. Н. У * * * ВОЙ.

—

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза . . .
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.

Авось на память поневоля
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Пр*** поле
Еще заборъ не заграждалъ.

КАЛМЫЧКЪ.

—

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плоскокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь пофранцузски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
Поанглійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: *Ma dou'ê*,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? — Ровно полчаса,

Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

КЪ ВЕЛЬМОЖЬ.

—

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣтъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворець,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человекъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и циникъ посѣдѣльй,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣльй,
Свое владычество на сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.

Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты леств его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростяся, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтраннымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось навремя твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парижъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной пѣею иль деиству,
Какъ любопытный Скиѡвъ Аѳинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,

Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ, и не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подь окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Трианонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,

Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донинѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептической причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, бывшее истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младья поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свестъ приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.
Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣлствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А *** и прелесть ***.
Безопасно окружась Корреджіемъ, Кановой,

Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.

Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

—

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!

О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами тайнственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.

Вниманья слабого предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразить сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой —

Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагодарною киваетъ головой.

Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,

Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —

«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искусствъ:

«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ»

«И намъ ихъ передастъ.» Но счастье поэта

Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,

Когда боязненно безмолвствуетъ оно . . .

.

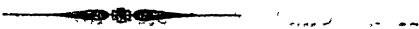

КЪ ЯЗЫКОВУ.

—

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ: близокъ я тебѣ.
Давно бѣ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давцо безъ крова я ношусь,

Куда подуетъ непогода;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя.

ЭЛЕГИ.

ЭЛЕГИИ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она пріємѣнно увядаетъ
Во цвѣтъ юности живой...
Увянетъ! Жизньъ молодую
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливыи кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу уладать.
Спѣшу, въ волненьи думъ тяжелыхъ
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее

Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. Сокрылся онъ;
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной . . .

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онъ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его прищѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечальцо улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистаи также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣють годы».

И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй . . . » Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтъ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ . . .
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей
Подъ наклоненными крестами
Таятся въ роцѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ;
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдной юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы

Ручей журчить и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утрожь за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ дарить надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унымой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда . . . другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводить ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвить, любви не выражая.

Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво? . . .
Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣеть онъ блѣднѣть и ревновать? . . .
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать? . . .
Но я любимъ . . . Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р.

—

*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'veillait . . .*

Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветь меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сопедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучить незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Подъялась вновь усталая сѣкира
 И жертву новую зоветъ.
 Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поетъ ¹.

Заутра казнь — привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поетъ? Поетъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

.....

.....

... Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влечу. Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за волосы
 Надъ равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будетъ поживать въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
 Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье,
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;

Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранить. У Авеля, у Фанни ²,
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой незрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ; толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
И, долго слушая, скажите: это онъ;
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь . . . и, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя ³,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая . . .»
Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.

Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ. Красавиць томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенные очи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече . . . и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ, вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ незапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала:
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнливой и пресной,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйныя невѣжды,

И злота, и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать безсильныя бразды?
 И что жъ оставляю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустой...

«О нѣтъ!

Умолкни, ропотъ малодушной!
 Гордись и радуйся, поэтъ:
 Ты не поникъ главой послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
 Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ ⁴;
 Твой бичъ достигнулъ ихъ, казнилъ

 Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
 Когда святый старикъ отъ плахи отрывалъ
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоемъ руку даль,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ; а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой я бы смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тирань! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднѣлъ важны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучать ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Пстой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа ⁵.

Не слышать. Шествiе безмолвно. Ждетъ плачь.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ ⁶.
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуесть ⁷...
Плачь, муза, плачь! . . .

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)
2. У Авеля, у Фанни.
Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.):
одинъ изъ друзей А. Ш.
Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les
odes qui lui sont adressées.
3. И Узница мол.
V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).
4. Voyez ses iambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait
célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois,
attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait de-
mandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme
et de dignité, le droit d'appeler au peuple du juge-
ment qui le condamnait. Cette lettre signée dans la
nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.
(*H. de La Touche.*)
5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е., наканунѣ низ-
верженія Робеспьера.

6. На роковой телегѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(*H. de la Touche.*)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

—

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колыбнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,

Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ . . . Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ тымною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

**ПОДРАЖАНІЯ
ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.**

ПОДРАЖАНІЯ
ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увидшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей къ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ ¹.

Посвящено П. А. О.

—

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой ² :

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обмань,
Стезю правды бодро слѣдуй,
Люби сироть, и мой корань
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно: вамъ кристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ:
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.
А вы, о гости Магомета,
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любить онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудренными склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ³.

III

Смутясь нахмурился пророкъ,
Слѣща послышавъ приближенъе †:
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумьне.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человекъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгий вѣкъ,
Что слабъ умретъ, ~~какъ~~ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить
И воскресить его поволь?
Что съ неба дни его хранить
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель вострубить;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжить,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань Моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равень я.
Но смолла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ востока;
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой ⁵.

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ править вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстися добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VI.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горить.
Сердечной молитвой,

Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавыя сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою :
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнуть — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога ропталъ:
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынь блуждая три дня и три ночи,

И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжело языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣ спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодной
Изякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая дрожащей главою поникъ

И чудо въ пустынь тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встають,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издають;
И чувствуетъ путникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ, или третьемъ лицѣ.
2. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангелами и человѣкомъ и проч. Странный сей риторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поименно.
3. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, пбо онъ весьма учтивъ и скромень; но я не имѣю пужды съ вами чпшиться.» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.
4. Изъ книги: *Слѣпецъ*.
5. Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія!

Въ крови горить огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почию безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двинется ночная жизнь.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣтъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

ПРОРОКЪ.

—

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ
Мои хъ зѣницы коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Мои хъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи

Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Востань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Мой,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей.»

АНГЕЛЬ.

—

Въ дверяхъ Эдема ангель нѣжный
Главой поникшею сіяль,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталь.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взираль,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познаваль.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣль,
И ты недаромъ мнѣ сіяль:
Не все я въ небѣ ненавиждѣль,
Не все я въ мірѣ презираль.

ЭПИГРАММЫ.

ЭПИГРАММЫ.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ ~~дубъ, березу, кедръ~~:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согнувъ въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

СОВѢТЪ.

—

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

Н. Н.

—

Примите Невскій альманахъ.
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете *** ова,
Вел *** , Х *** ова;
К *** , дальній вашъ родня,
~~Украсятъ также книгу эту;~~
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра? .. дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже! . . .
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попастъ и въ этотъ альманахъ.

ПРЯТЕЛЯМЪ.

—

Враги мои, покаместъ я ни слова . . .
И, кажется, мой-быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжить пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожить индѣекъ и гусей.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

ПРЯТЕЛЮ.

—

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень леры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ; иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

—

Ты правъ, несносень Фирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судить обо всемъ.
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ — и слава Богу.

EX UNGUE LEONEM.

—

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня вмигъ,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

—

Внимает онъ привычнымъ ухомъ

Свистъ;

Мараютъ онъ единымъ духомъ

Листъ;

Потомъ всему терзаетъ свѣту

Слухъ;

Потомъ печатаетъ — и въ Лету

Бухъ!

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человѣкъ *пустой.*»

Да ты чѣмъ полонъ шутъ нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты полонъ дряни, милой мой!

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Расчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ, я праздень, я безъ дѣла,
А ты бездѣльникъ дѣловой.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

—

Что жъ новаго? — «Ей Богу, ничего.»
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердить: помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ! отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастьемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати
И умны вы не впопадъ.

КЪ Б***

—

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зомль прямой чухонецъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

—

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщаль;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочеть.
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочеть;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ —
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ *** **.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Расписался жой дуракъ?

СОБРАНИЕ НАСЪКОМЫХЪ.

—

Какія крохотны коровки!
Есть, право, меньше бульбочной головки.
Крылова.

Мое собранье насъкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ * * * Божія коровка,
Вотъ * * * злой паукъ,
Вотъ и * * * Россійскій жукъ,
Вотъ * * * черная мурашка,
Вотъ * * * мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эниграммахъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

—

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

	<i>Стр.</i>
Торжество Вакха	7
Наполеонъ	11
Вакхическая пѣсня	15
19 Октября 1825	16
Клеветникамъ Россіи	23
Бородинская годовщина	26
Пиръ Петра Перваго :	30

ПѢСНИ, СТАНСЫ И СОНЕТЫ.

Пѣвецъ	25
Стансы Т***му	37
Недоконченная картина	39
Возрожденіе	40
Фонтану Бахчисарайскаго дворца	41
Я пережилъ свои желанья	43
Друзьямъ	44
Телега жизни	46
Къ морю	48
Ночной зиярь	52

	<i>Стр.</i>
Если жизнь тебя обманет	54
Къ ***	55
Зимняя дорога	57
Отвѣтъ О. Т***	59
Козлову	60
Стансы	62
Талисманъ	64
Воронъ къ ворону летить	66
Предчувствіе	67
Цвѣтокъ	69
Не пой, красавица, при мнѣ	71
To Dawe Esq	72
Кавказъ	73
Обваль	75
Монастырь на Казбекѣ	77
Делибашъ	78
Донъ	80
Олеговъ щить	82
Когда твои младыя лѣта	83
Зимнее утро	85
Дорожныя жалобы	87
Что въ имени тебѣ моемъ?	89
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ	90
Въ часы забавъ пль праздной скуки	92
Поэту	94
Пью за здравіе Мерк.	95
Сонетъ	96
Цыганы	97
Мадона	99

	<i>Стр.</i>
Эхо	100
Узникъ	101
Зимній вечеръ	102
19 Октября, 1827	104
Даръ напрасный, даръ случайной	105
Анчаръ	106
Примѣты	109
Красавица	110
Туча	111
Сербская пѣсня	112

ПОСЛАНИЯ.

Лицинію	117
Ш * * * * в у	121
П * * * * ну	123
Мечтателю	125
Дельвигу	127
Жуковскому	129
В * * * * му	131
Кривцову	134
Н. N	136
Ч * * * * в у	138
Къ Овидію	140
Алексѣеву	145
К * * * * у	147
Ч * * * * в у	148
Гречанкѣ	152
Д * * * * у	154
Къ Яз * * * *	156
Черешъ	157

	<i>Стр.</i>
Княгиня З. А. Волконской	164
Отвѣтъ Катенину	165
Отвѣтъ А. Н. Готовцовой	167
Е. Н. У*** вой	168
Калмычкѣ	170
Къ вельможѣ	172
Отвѣтъ анониму	177
Къ Языкову	179

ЭЛЕГИИ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ	183
Гробъ юноши	185
Простишь ли мнѣ ревнивья мечты	188
Андрей Шенье	190
Примѣчанія	197
Желаніе славы	199
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье	201

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНЫМЪ СТИХОТВОРЦАМЪ.

Виноградъ	205
О дѣва-роза, я въ оковахъ	206
Подражанія Корану	207
Примѣчанія	216
Въ крови горитъ огонь желанья.	217
Вертоградъ моей сестры	218
Пророкъ	219
Ангель	221

ЭПИГРАММЫ.

Прозаикъ и Поэтъ	225
Совѣтъ	226

	<i>Стр.</i>
Н. Н.	327
Пріятелямъ	228
Охотникъ до журнальной драки	229
Пріятелю	250
У Кларисы денегъ мало	231
Добрый человекъ	232
Ex ungue Леопет	233
Исторія стихотворца	234
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный	235
Какъ брань тебѣ не надоѣла!	236
Любопытный	237
Пѣть ни въ чемъ вамъ благодати	238
Къ Б * * *	239
Литературное извѣстіе	240
Какъ сатирой безымянной	241
Собраніе насѣкомыхъ	242

